

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА
В ИСТОРИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

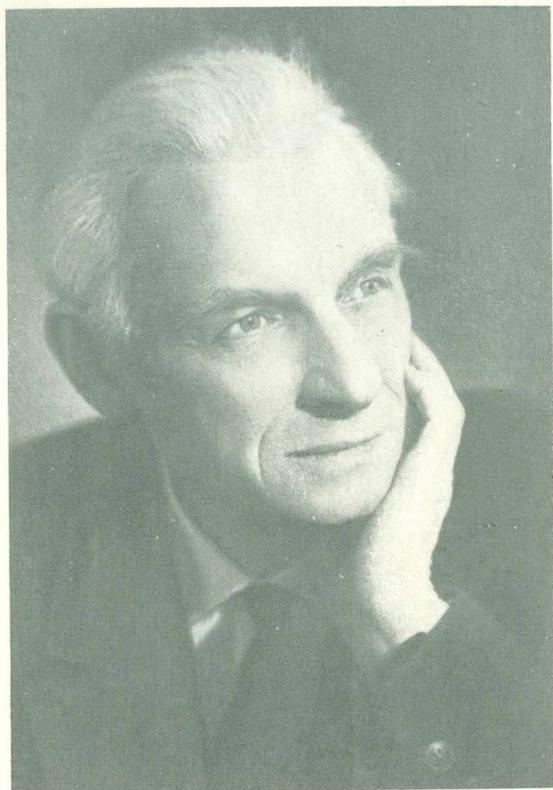
Дорогой
Фанне Зинковне
Камуковой

с искренней дружеской
теплотой

любви ей

5. XII. 66

Игорь:

W. J. East.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

XVIII век. СБОРНИК 7

Р О Л Ь И З Н А Ч Е Н И Е Л И Т Е Р А Т У Р Ы Х V I I I В Е К А В И С Т О Р И И Р У С С К О Й К У Л Ь Т У Р Ы

к 70-летию со дня рождения
члена-корреспондента АН СССР
П. Н. БЕРКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1966

1-980355

Редакционная коллегия:

Д. С. ЛИХАЧЕВ, Г. П. МАКОГОНЕНКО,
И. В. СЕРМАН

7-2-2
1278-66

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Б. М. Эйхенбаум. О П. Н. Беркове	3
И. З. Серман (Ленинград). К портрету ученого	5
И. А. Ушакова-Кряжизмская и Н. Д. Кочеткова. (Ленинград). П. Н. Берков как учитель	10
Ф. Вольман (Прага). Взаимоотношения литературы и фольклора в XVIII в. и их роль в развитии русской культуры. <i>Перевод</i> <i>А. М. Панченко</i>	14
Б. Мериджи (Милан). Наблюдения над «Сборником Кириши Дани- лова». <i>Перевод Н. И. Серман</i>	20
Б. Н. Путилов (Ленинград). «Сборник Кириши Данилова» и тради- ции русского фольклоризма XVIII в.	28
В. П. Адрианова-Перетц (Ленинград). Стихотворные жарты XVIII в. и традиции древнерусской литературы	36
Э. Винтер (Берлин). Феофан Прокопович и начало русского Просве- щения. <i>Перевод Л. В. Славгородской</i>	43
Р. Лужный (Краков). «Поэтика» Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии (Первая половина XVIII в.). <i>Перевод Г. Я. Векслер</i>	47
Г. С. Радойничич (Новый Сад). Отражение реформ Петра I в серб- ской письменности XVIII в. <i>Перевод Г. Д. Язича</i>	54
Х. Грасгофф (Берлин). Из истории связей Берлинского общества наук с Россией в 20-х годах XVIII в. <i>Перевод Р. Ю. Дани- левского</i>	59
С. Н. Валк (Ленинград). В. Н. Татищев и начало новой русской исто- рической литературы	66
И. В. Валкина (Ленинград). К вопросу об источниках Татищева Г. И. Бомштейн (Пермь). Ломоносов и национально-историческая тема в русской литературе и искусстве	74
А. Д. Оришин (Львов). О значении «Риторики» Ломоносова	86
Е. С. Кулябко (Ленинград). Неизвестное письмо И. И. Шувалова к М. В. Ломоносову	94
К. Ф. Тарановский (Кэмбридж, Массачузетс). Из истории русского стиха XVIII в. (Одическая строфа АbАb ССdEEd в поэзии Ломоносова)	99
Г. А. Таляшвили, В. С. Шадури (Тбилиси). Ломоносов и грузинская культура	106
И. М. Бадалич (Загреб). Загребские рукописи русских драм XVIII в. В. Е. Гусев (Ленинград). Михайло Попов — поэт-песенник	116
И. Я. Каганов (Харьков). Г. А. Полетика и его книжные интересы. (Из истории книжной культуры XVIII в.)	127
	132
	138

Л. Б. Светлов (Москва). Первое издание русского перевода «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского	145
Л. Г. Бараг (Уфа). О реалистических тенденциях комедии «Бригадир»	150
Б. Г. Рейзов (Ленинград). К вопросу о западных параллелях «Недоросля»	157
В. Б. Эджертон (Блумингтон). Знакомство Фонвизина с Лабланшери в Париже. <i>Перевод И. Б. Комаровой</i>	165
Л. И. Кулакова (Ленинград). Когда написана басня «Лисица-казнодей»?	174
М. Л. Тронская (Ленинград). Герои-комическая поэма М. А. Тюммеля в русском переводе	181
А. Мазон (Париж). Тюрпен и Куракин — литератор и вельможа. <i>Перевод Н. И. Серман</i>	187
А. И. Кузьмин (Москва). К истории переводного плутовского романа в России XVIII в.	194
И. Матль (Грац). Эпоха Просвещения в России и ее отличие от Просвещения в других славянских странах	199
Л. Пачини-Савой (Неаполь). Итальянский дипломат XVIII в. — переводчик «Россиады». <i>Перевод Н. Б. Томашевского</i>	207
Ю. Доланский (Прага). Херасков и Гавличек. <i>Перевод Г. А. Дилич</i>	213
Э. Хексельшнайдер (Лейпциг). Профессор Христиан-Фридрих Шмид, учитель русских студентов в Лейпциге. <i>Перевод Р. А. Зерновой</i>	220
Р. О. Якобсон (Кэмбридж, Массачузетс). Разбор тобольских стихов Радищева	228
П. В. Линтур (Ужгород). Державин и литература Закарпатья XIX столетия	237
В. А. Западов (Ленинград). Державин и Муравьев	245
Е. П. Привалова (Ленинград). «Детское чтение для сердца и разума» в оценке читателей и критики	254
Л. В. Крестова (Москва). Повесть Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена»	261
У. Леман (Берлин). Н. М. Карамзин и В. фон Вольцоген	267
А. Флакер (Загреб). «Марфа Посадница» Карамзина в хорватской литературе	272
Ю. М. Лотман (Тарту). Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина. (К структуре массового сознания XVIII в.)	280
Ф. З. Канунова (Томск). Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь»)	286
К. В. Пигарев (Москва). Неосуществленный замысел Карамзина	291
С. А. Рейсер (Ленинград). Красный флаг в России	294
М. П. Алексеев (Ленинград). К истории русского вольтерьянства в XIX в.	302
А. Н. Егунов (Ленинград). «Плоды уединения» Н. И. Гнедича	312
А. Н. Соколов (Москва). Из истории «легкой поэзии» (От «Душеньки» к «Катиньке»)	320
А. В. Десницкий (Ленинград). Басня И. А. Крылова «Дикие козы» в связи с традициями русской сатиры XVIII в.	328
Г. Вытженс (Вена). П. А. Вяземский и русская литература XVIII в.	332
А. Менье (Кламар). Русский восемнадцатый век и формирование Пушкина. (Заметки). <i>Перевод Р. А. Зерновой</i>	339
Г. П. Макогоненко (Ленинград). Учение Радищева об активном человеке и Пушкин	345
Б. С. Мейлах (Ленинград). «Державинское» в поэтической системе Н. М. Языкова	353
Г. М. Фридлендер (Ленинград). Гоголь и русская литература XVIII в.	359

Л. В. Черных (Уфа). О двух сюжетах в комедиях конца XVIII в. и пьесах Островского середины 50-х годов XIX в.	366
Л. Н. Назарова (Ленинград). И. С. Тургенев в работе над «Старыми портретами». (Из творческой истории)	373
Г. В. Ермакова-Битнер (Ленинград). Русская литература XVIII в. и «Вестник знания» (1903—1916)	380
А. Е. Маргарян (Ереван). Брюсов и русские поэты XVIII в.	386
Ю. Д. Левин (Ленинград). Об источниках «Подпоручика Кижэ»	393
Ив. Дуйчев (София). Отзвуки русской историографии XVIII в. у болгар. <i>Перевод А. И. Хватова</i>	397
В. Велчев (София). К вопросу о восприятии русской литературы XVIII в. в Болгарии. (Традиция фонвизинского «Недоросля» в творчестве Т. Шишкова)	403
Т. Боров (София). Русская литература XVIII в. в Болгарии в эпоху Возрождения. (Итоги изучения). <i>Перевод Л. И. Ровняковой</i>	409
В. Якубовский (Краков). П. Н. Берков и проблемы польско-русских литературных связей	415
В. М. Жирмунский (Ленинград). О русской рифме XVIII в.	419
В. Д. Левин (Москва). Заметки о принципах изучения русского литературного языка конца XVIII—начала XIX в.	428
В. В. Виноградов (Москва). История слова <i>изысканный</i> (В связи с образованием выражений <i>изысканная словесность, изысканные искусства</i>)	434
Р. А. Будагов (Москва). Из истории семантики прилагательного <i>классический</i>	443
Д. С. Лихачев (Ленинград). Эстетическая оценка и текстологическое исследование. (Тезисы)	449
Список сокращений	456

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ

О П. Н. БЕРКОВЕ

Каждому литературоведу, филологу, библиографу хорошо известно имя профессора Павла Наумовича Беркова — и, конечно, не только его имя, но и его работы. Однако эти работы так многочисленны и так разнообразны по темам, что вряд ли найдется человек, который читал всё, напечатанное Павлом Наумовичем за сорок лет его литературной и научной деятельности.¹ От древнерусской словесности до Чехова, Горького, Куприна — таков диапазон его интересов и занятий.

Научная разносторонность и работоспособность Павла Наумовича настолько поразительны, что в отдаленном потомстве может, пожалуй, возникнуть гипотеза о нескольких П. Н. Берковых: один — удивительный знаток русской литературы XVIII в., другой — автор книг и статей о русских писателях конца XIX в., третий — исследователь Козьмы Пруткова, четвертый — крупнейший библиограф и историк книги; а еще П. Н. Берков — специалист по литературе народов СССР, а еще П. Н. Берков — автор, например, статьи «Гюи де Мопассан и французский реалистический роман», написанной с большим знанием дела и с большими историко-литературными обобщениями. Если раньше принято было говорить: «Nulla dies sine linea» (т. е. «ни дня без строчки»), то в отношении Павла Наумовича придется сказать иначе: «Nulla dies sine folio — minimum!».

Все это, конечно, плод блестящих способностей, блестящей памяти, огромных знаний и огромного, непрерывного творческого труда. Но не в этом одном заключается своеобразие научной индивидуальности Павла Наумовича. Во всей его деятельности есть одна черта, которая придает его работам и даже его поведению особый характер стремительности, беспокойства. Эта черта — напряженные поиски методологического совершенства, страстная мечта о достижении литературоведческих высот. В книге Павла Наумовича «Введение в технику литературоведческого исследова-

¹ Статья Б. М. Эйхенбаума написана в 1956 г. — *Ред.*

ния» (1955) есть одна характерная в этом смысле главка, окрашенная неожиданной научной лирикой: «О том, как работали некоторые крупные литературоведы» (стр. 39—43). Эти страницы проникнуты чувством высокой зависти к тем предшественникам, которые «умели много, упорно, настойчиво и плодотворно работать»: «Культура научного труда у них (у А. Н. Пыпина, А. Н. Веселовского, Ф. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова, Л. Н. Майкова) развивалась со студенческих лет, ей придавали они большое значение и вырабатывали у себя достойные уважения и подражания привычки». У них, как подчеркивает Павел Наумович, не было секретарей: «Всё делали они сами, не доверяя никому, даже самым надежным помощникам».

И при этом невольно обращаешь внимание на обилие печатных работ у них: Пыпиным при жизни было напечатано 1141 произведение... Они умели выбирать значительные, серьезные темы для своих исследований и даже заметок... Они уважали свою литературно-научную деятельность и не разменивали «на мелочи»... Они никогда не писали, если не чувствовали, что могут по данному вопросу сказать нечто новое, нужное, ранее неизвестное и в какой-то мередвигающее науку дальше».

За всей этой лирикой скрывается тревога за судьбы литературоведения. Глубоко ошибаются те, кто, быть может, представляет себе П. Н. Беркова спокойным, самоуверенным и самоудовлетворенным академическим ученым. Ничего подобного! Это человек лихорадочной, фанатической деятельности, целиком проникнутой стремлением к идеалу.

И. З. СЕРМАН

К ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО

Наша историко-литературная наука очень молода, ей немногим более ста лет, если вести, условно конечно, ее родословную от диссертации А. Н. Пыпина «Очерк литературной истории сказок и повестей русских» (1858); ее «история» укладывается в жизненные сроки четырех человеческих поколений, но, может быть, именно эта относительная «молодость» помогла ей почти сразу же взять мощный разбег. Русскую историко-литературную науку создавали Буслаев, Тихонравов, Пыпин, Веселовский — замечательные люди, в деятельности которых счастливо соединялось титаническое трудолюбие с широтой и смелостью мысли, уважение к критически проверенному литературному факту с тяготением к широкому историческим обобщениям и построениям. Прямо или косвенно, но общественный подъем 1850—1860-х годов отразился на их научной деятельности, сообщив ей ту масштабность, ту значительность, без которой невозможна истинная наука. Одно из методологических правил этой науки недавно напомнил нам советский историк: «Никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнания фактов».¹

Во всем своем историко-литературном творчестве Павел Наумович Берков следует основным традициям русской историко-литературной науки ее «классического» периода, в том числе и только что приведенному методологическому правилу, как ни велики могли быть иногда соблазны эффектного допущения или стремительной гипотезы. Широкая образованность и глубина филологических познаний Павла Наумовича (в Венском университете он серьезно занимался египтологией) являются той основой, на которую опирается он как исследователь в самых различных областях советской филологии.

Публикатор и текстолог, библиограф и автор работ по методике литературоведческого труда, ставших настольными книгами

---

¹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 11.

молодых пополнений нашей науки, фольклорист, историк театра — таков диапазон его исследовательских увлечений. Но прежде всего Павел Наумович — историк русской литературы от первых веков ее существования до Брюсова и Куприна, до литературы народов СССР включительно.

И все же среди этого обширного круга научных дисциплин, в каждую из которых Павел Наумович внес нечто свое, весомое, интересное и значительное, особое место занимает история русской литературы XVIII в., — наука, созданная как самостоятельная дисциплина на рубеже 1920—1930-х годов советскими учеными.

Павел Наумович — бесспорно наш лучший исследователь и знаток русской литературы XVIII в., является одним из создателей этой науки. Его научная биография неотделима от истории советской науки о литературе XVIII в., а его работами отмечены важнейшие вехи ее развития. Читая работы Павла Наумовича не в последовательности их появления, а в хронологии литературного движения XVIII столетия, мы как бы перелистываем страницы большой истории русской литературы XVIII в., создание которой кажется непосильным делом для одного человека. От Симеона Полоцкого и до Карамзина нет сколько-нибудь заметного или почему-либо интересного деятеля русской литературы XVIII в., о котором Павел Наумович не сказал бы своего, всегда точного, дельного и свежего слова. В русской литературе XVIII в., в творчестве ее великих деятелей и в скромной переводческой работе безвестных литераторов-профессионалов Павел Наумович видит выражение художественно-идеологической жизни нации. Каждый историко-литературный факт XVIII столетия, от сатир Кантемира до «Писем русского путешественника», воспринимается им как выражение живых, человеческих интересов, страстей и чувств людей XVIII в. Не книги, а люди, творцы этих книг, — поэты, прозаики, переводчики, составители, журналисты, — словом, все многочисленные подразделения многоликой армии литераторов и ученых, создававших русскую культуру XVIII в., являются постоянным предметом исследовательского интереса Павла Наумовича, оживают на страницах его работ. Об этом лучше всего сказал он сам: «Я глубоко убежден, что, когда мы говорим, что любим книгу, мы не осознаем того, что любим умного, доброго, человеческого автора, создавшего ее, любим его героев, увлекающих и волнующих нас своими прекрасными человеческими качествами... Любя книгу, мы любим явление культуры определенной эпохи, любим те сгустки человеческого ума, чувства, воли, которые проявились в содержании и форме книги».²

Это неразрывное соединение любви к литературе с преданностью научной истине и уважением к факту пронизывает все работы Павла Наумовича и кладет на них особый отпечаток его

² П. Н. Берков. О людях и книгах. Изд. «Книга», М., 1965, стр. 7—8.

личности, его склада ума и темперамента. За всеми его работами живо ощущается личность ученого, с его неповторимыми чертами, с ее живым обликом, с увлечениями, пристрастиями, с мужеством гражданина и борца. И потому научное творчество Павла Наумовича производит впечатление внутреннего единства, несмотря на обилие работ и поразительную широту их тематики. Павел Наумович всюду верен себе и в таких фундаментальных исследованиях, как «Ломоносов и литературная полемика его времени» (1936), «История русской журналистики XVIII века» (1952) или «История русской комедии XVIII века» (опубликована только частично), и в таких этюдах, как «О пародии И. А. Крылова „Ветер ветра ветром гонит“». ³

В последней заметке речь идет как будто о совсем частном, мелком историко-литературном наблюдении. Павел Наумович нашел то произведение, которое высмеял молодой Крылов в пародийной песенке, вставленной им в комедию «Сочинитель в прихожей» (1786). Сам по себе факт, установленный исследователем, любопытен и позволяет уточнить наши представления о литературных позициях Крылова-драматурга. Но Павел Наумович использует свою находку для более широких, хотя и достаточно осторожных обобщений, он объясняет особый характер пародии в XVIII в., вводит в число литературных противников Крылова Н. И. Перепечина, указывает на общую ошибку исследователей драматургии Крылова, которые «судили пьесы, написанные как пародии и памфлеты («Бешеная семья», «Сочинитель в прихожей», «Проказники») по принципам реалистической комедии — „Горя от ума“, „Ревизора“ и даже комедий Островского». ⁴

Так, идя путем индукции, от частных, казалось бы, фактов к общим и обобщенным выводам и заключениям, Павел Наумович создает свою концепцию крыловского творчества, развивает перед нами свое представление о Крылове, создает свой образ его...

Есть ученые, и очень крупные, которых в первую очередь занимает выражение их собственного восприятия литературных явлений: они лучше всего чувствуют себя наедине с объектом, вне каких бы то ни было средостений; есть ученые, увлеченность которых концепциями не оставляет им ни времени, ни охоты, ни сил для должного учета фактов, особенно тех, которые противоречат их концепциям, есть, наконец, ученые, у которых уважение к факту, к литературе как таковой соединяется с широтой общественного горизонта, с умением видеть и чувствовать живое движение литературы прошлого.

К этому последнему типу ученых принадлежит и Павел Наумович. При самом глубоком уважении и интересе к новому или прочно забытому факту истории литературы — новой дате, новой

³ «Русская литература», 1962, № 3, стр. 218—220.

⁴ Там же, стр. 219.

атрибуции, вновь найденному произведению, новому прочтению хорошо известной специалистом вещи — Павел Наумович никогда не исползует свои новации, большие и малые, свои открытия — значительные или частные — для демонстрации профессиональной ловкости или богатства личной картотеки.

Неизменная верность факту, литературной действительности, осторожное отношение к отвлеченным, эффектным, но необоснованным гипотезам заставляет Павла Наумовича снова и снова возвращаться к своим излюбленным темам и авторам.

Ломоносову, его поэтическому творчеству и литературно-общественной деятельности Павел Наумович остается верен вот уже четвертое десятилетие. Ломоносову была посвящена его докторская диссертация, ознаменовавшая собой, вслед за диссертацией Григория Александровича Гуковского о Сумарокове и его школе, создание советской науки о русской литературе XVIII в. Однако отношения между исследователем и творчеством Ломоносова на этом не прекратились. Одна за другой следуют работы Павла Наумовича о Ломоносове,⁵ в которых исследуется новый материал, новый в том смысле, что и после его публикации он не был никак осмыслен и, точнее говоря, не был прочитан. Именно искусством чтения, чтения филологического, рождающего исторические, литературные, философские ассоциации, чтения, указывающего путь к связям и отношениям данного факта со всей совокупностью ранее известных явлений, — владеет в самой превосходной степени Павел Наумович. В одной из недавних своих работ о Ломоносове⁶ Павел Наумович обратился к сухим, мало что говорящим документам — к спискам, в которые Ломоносов заносил названия тех книг, какие он рекомендовал для приобретения Библиотеке Академии наук. Сопоставив ломоносовские «списки» с немецкими и французскими специальными журналами, помещавшими подробные рецензии — изложения всех вновь вышедших книг научного и литературного содержания, Павел Наумович во многих случаях смог установить, на каком основании показалась данная книга Ломоносову интересной или любопытной, т. е. составить конкретное представление о направленности и характере литературных интересов Ломоносова в то время, к которому относятся эти «списки». Из анализа этих «списков» и сопоставления их с рецензиями иностранных журналов ученый сумел извлечь поразительной новизны и свежести наблюдения над интересом Ломоносова к самым различным яв-

---

⁵ «Ломоносов и проблема русского литературного языка в 1740 годах» (1937), «Ломоносов и наша современность» (1945), «Ломоносов и фольклор» (1946), «Поэтическое творчество Ломоносова» (1948), «Ломоносов об ораторском искусстве» (1956), «Проблема литературного направления Ломоносова» (1962), «Литературные интересы Ломоносова» (1962).

⁶ П. Н. Берков. Литературные интересы Ломоносова. — В сб.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 14—68.

ниям литературы античной, итальянской, шведской, новолатинской и даже арабской. Отправляясь от кратких записей в «списках» к возможным источникам ломоносовских сведений о тех или иных книгах, Павел Наумович на основании им добытых сведений воссоздает в новом, обогащенном виде систему литературных взглядов Ломоносова. Так «факт» оказывается не начальным или конечным пунктом литературоведческого исследования, а звеном в цепи доказательств и выводов, ступенькой в процессе бесконечного восхождения к научной истине.

Павел Наумович пришел в науку с глубоким убеждением, что литература нации создается не порывами гениев, а коллективным творчеством всего народа, всей массы безымянных деятелей, так или иначе причастных к созиданию национальной культуры. И не безликий «процесс», а пеструю, многосложную жизнь русской интеллигенции, выразительницы самосознания нации, считает он подлинным предметом своего исследования. Вот почему рядом с Ломоносовым, Фонвизиным, Сумароковым, Радищевым мы находим в его работах и таких персонажей, как предполагаемый автор — составитель «Драматического словаря» (1787) или издатель «несостоявшегося» сатирического журнала «Демокрит». Воодушевленный, подобно своим учителям и предшественникам, великой и плодотворной идеей необходимости сохранять и продолжать традиции национальной культуры, Павел Наумович с особенной любовью пишет о тех, кто осуществляет великое дело культурной преемственности, кто вооружает память нации материалами и пособиями — о библиографах, составителях каталогов и о своих товарищах по историко-литературному исследованию.

Павел Наумович сейчас, как и всегда, — в пути. Близка к завершению его новая монография — «Русско-немецкие литературные связи и взаимоотношения XI—XVIII вв.», впереди ряд новых замыслов. За вышедшим недавно «Введением в изучение русской литературы XVIII века» (1964) должны последовать как его продолжение «Источниковедение» и «Научная проблематика» истории литературы XVIII в. Вместе они составят неопцененное пособие не только для исследователя русской литературы XVIII в., но и для каждого ученого, заинтересованного в уточнении и отшлифовке методологии и методики своей исследовательской работы.

«Введение в изучение истории русской литературы XVIII века» в части, касающейся советского периода, имеет один существенный пробел: в нем сравнительно мало сказано о том, что сделал сам Павел Наумович Берков как один из создателей советской науки о литературе XVIII в.

Настоящая заметка может лишь в самой слабой степени этот ущерб возместить и выразить дань восхищения и уважения труду всей жизни нашего юбиляра.

И. А. УШАКОВА-КРЯЖИМСКАЯ
И Н. Д. КОЧЕТКОВА

П. Н. БЕРКОВ КАК УЧИТЕЛЬ

Талант учителя — редкий талант. Он встречается лишь у тех, кто обладает не только обширными, глубокими знаниями, но и безграничной душевной щедростью. Только доброжелательно и с уважением относясь к слушателям и ученикам, можно передать им свой опыт, свои знания, внушить великое уважение к труду, к науке.

Этот особый талант душевной щедрости в высшей степени присущ Павлу Наумовичу Беркову.

Свою книгу «Введение в технику литературоведческого исследования» (1955) П. Н. Берков закончил известными словами Маркса о каменистых тропах науки.

С самых первых дней работы со студентами Павел Наумович терпеливо и настойчиво учит их карабкаться по этим тропам, раскрывает перед ними широчайшие горизонты науки, с готовностью отдает свои неисчерпаемые знания.

На Филологическом факультете Ленинградского ордена Ленина государственного университета в течение десятилетий профессор П. Н. Берков читает общий курс лекций по истории русской литературы XVIII в., курс литературы народов СССР, специальные курсы по технике литературоведческого исследования, по текстологии, по творчеству В. Я. Брюсова, руководит студенческим спецсеминаром и работой аспирантов.

Павел Наумович сразу, уже на первых лекциях, стремится показать непрекращающееся движение нашей науки. Открываются новые факты, возникают новые теории, идут споры, помогающие установлению истины. И то новое, что происходит в науке, П. Н. Берков со своими интереснейшими комментариями вносит в лекции. Поэтому в каждом новом учебном году в его курсах столько свежего, что они всякий раз воспринимаются по-особому. Павел Наумович убеждает слушателей, что XVIII век — это не какая-то омертвевшая схема. Рассказывая о творчестве Ломоносова, Сумарокова, Фонвизина, он рисует прежде всего самый облик писателей, их характер, передает любопытнейшие эпизоды из их жизни. Все это оживляет фигуру писателя, помогает ярче и

живее представить себе ушедшие в глубокую историю страницы его жизни и творчества.

На многие годы остается в памяти экзамен, который проводит Павел Наумович. И на экзамене он продолжает делиться со студентами своими удивительнейшими познаниями, пытаясь понять, что и почему заинтересовало его слушателя в курсе, что ему больше всего не понравилось и почему. Заставить студента мыслить по-своему, высказывать свои мнения о прочитанном, прослушанном на лекциях, помочь ему правильно осмыслить узнанное, — такую задачу П. Н. Берков ставит и на своих экзаменах. Часто день экзамена решает дальнейшую научную судьбу студента — ему очень хочется работать только под руководством П. Н. Беркова.

Заниматься в семинаре Павла Наумовича чрезвычайно интересно, потому что он сразу же стремится приобщить своих питомцев к большой науке, показать, как еще много нового, любопытного можно найти даже для своего первого студенческого доклада.

Павел Наумович сразу же, на первых семинарских занятиях знакомит с важнейшими источниками, с историографией науки. Он начинает, казалось бы, с простейшего: объясняет, как следует правильно записать источник, как составить библиографическую карточку, где и в каком порядке надо хранить эти карточки.

Павел Наумович учит конспектировать прочитанное, советует, как лучше оформить конспекты, другие записи, чтобы в дальнейшей работе можно было легко ими воспользоваться.

Каждому, пришедшему в семинар по истории русской литературы XVIII в., Павел Наумович уделяет много времени и внимания. Нередко новичков смущает его вопрос: «Чем бы вы хотели заниматься?». Павел Наумович умеет помочь студенту или аспиранту на самом первом, но уже ответственном этапе самостоятельной работы — в выборе темы. Для семинарских докладов Павел Наумович предлагает темы, из которых потом может вырасти серьезная научная работа. Он поддерживает возникший интерес к определенной проблеме и в то же время направляет его таким образом, чтобы разработка темы могла дать интересные результаты. Павел Наумович постоянно интересуется ходом работы каждого участника семинара, учит искать и отбирать материал, точно излагать свои мысли. Он заставляет задумываться над самыми, казалось бы, неожиданными вопросами. Например: какой должна быть первая фраза? Что нужно читать литературоведу? и др. Он всегда убеждает, что в науке нет маленьких тем. При серьезном отношении незначительная, на первый взгляд, тема может стать очень важной при дальнейшем исследовании. Павел Наумович обращает внимание на забытых, мало исследованных писателей, чье творчество сыграло свою роль в развитии литературного процесса. Включая в темы семинарских докладов неразрешенные наукой вопросы, Павел Наумович заставляет студента работать с первоисточниками. Каждое новое наблюдение стано-

вится маленьким открытием, и это вселяет уверенность, увлекает к дальнейшим разысканиям. Оказывается необходимым знакомиться со множеством самых различных справочников, разыскивать, по крупицам собирать сведения, систематизировать их, уточнять, сопоставлять. Он с увлечением рассказывал нам о замечательной картотеке Б. Л. Модзалевского, о рукописных хранилищах Пушкинского дома и Публичной библиотеки, ЦГИАЛа и др.

Павел Наумович никогда не придерживается двухчасового расписания для семинарских занятий со студентами старших курсов и аспирантами. Эти занятия регулярно он проводит у себя дома, среди книг. У него великолепная библиотека, много редких, ценных книг, оттисков, которые чрезвычайно трудно разыскать даже в большой библиотеке. Павел Наумович никогда не отказывает своим питомцам в радости познакомиться с редчайшими изданиями — он дает книгу домой.

Если, при обсуждении работ, беседе, встречается какой-то факт, требующий уточнения, мало знакомое название, неизвестная фамилия, Павел Наумович сам нередко обращается сразу же к различным справочникам, увлекаясь поисками и показывая чудеса эвристики. Он ищет и находит нужное, тут же давая наглядный урок работы со справочным материалом.

Сколько интересного, нужного не только для повседневной работы, но и на всю жизнь получали и получаем мы от Павла Наумовича! Его щедрость и доброжелательность просто необычайны. Эти часы семинарских занятий никогда не смогут изгладиться из нашей памяти.

Он говорит ученикам об общем развитии литературы, выдвигает интереснейшие концепции, рассказывает любопытнейшие детали, факты из жизни и творчества писателей XVIII в., факты, которые известны, вероятно, только ему одному.

Семинар 1946—1948 гг. работал над драматургией XVIII в., и Павел Наумович очень охотно давал читать главы из своей монографии о комедии XVIII в., которую он в то время заканчивал, и требовал серьезного критического отношения к своей работе.

Торжественно выглядели весенние наши занятия, когда «черновая» работа была закончена и начиналось чтение и обсуждение готовых докладов. Это были, пусть небольшие, скромные, но настоящие научные заседания, на которых Павел Наумович продолжал нас учить и специальности и общей большой культуре ученого.

Всегда очень радостно чувствовать, с каким искренним и серьезным уважением Павел Наумович относится даже к самым первым самостоятельным шагам в науке. Он никогда не оставляет удачно выполненную работу. Он стремится ввести ее автора в науку, познакомить с учеными старшего поколения, напечатать хотя бы наиболее интересный отрывок из этой работы, чтобы духовно поддержать начинающего исследователя.

Павел Наумович не бросает своих питомцев на произвол судьбы. Он продолжает следить за ними, помогать работать и после того, как закончены студенческие и аспирантские годы обучения, делится своими знаниями, помогает добрыми советами.

Относясь с огромным уважением к ученым-современникам и ученым старшего поколения, Павел Наумович воспитывает эти чувства и у своих учеников. Примером собственных работ, советами он показывает, с каким доброжелательным вниманием следует относиться к предшественникам в науке, как тактично и острожно, основываясь на фактах, всесторонне и объективно изучив материалы, можно опровергать существующие в науке точки зрения.

Любовь к фактам, знание фактов Павел Наумович передает своим ученикам, убеждая, что, только опираясь на проверенные знания, можно построить большую и оригинальную концепцию.

Павла Наумовича нельзя назвать только учителем студентов и аспирантов. Вокруг него люди самых разных поколений и профессий, и все они с гордостью и радостью называют себя учениками П. Н. Беркова, потому что чрезвычайно многим и в жизни и в науке обязаны ему.

Павел Наумович на протяжении многих лет на общественных началах руководит работой Группы по изучению русской литературы XVIII века ИРЛИ АН СССР. На заседаниях этой Группы собираются люди разных возрастов, разных профессий. Здесь под председательством П. Н. Беркова встречаются советские и зарубежные ученые, преподаватели вузов и школ, сотрудники научных учреждений, аспиранты и студенты. Их объединяет не только интерес к изучению литературы XVIII в., но и желание услышать интересные обобщения, суждения председателя Группы.

В самых разных уголках Советского Союза, в зарубежных странах живут люди, которым выпало счастье учиться у Павла Наумовича Беркова, и каждый из них мог бы рассказать еще многое о нем как о замечательном, редком учителе.

Ф. З. КАЛУНОВА

ЭВОЛЮЦИЯ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА КАРАМЗИНА

(«Моя исповедь»)

Среди повестей Карамзина начала XIX в. значительный интерес представляет «Моя исповедь» — мало изученное и одно из наиболее спорных произведений Карамзина. Чаще всего она рассматривается как выражение иронического и сатирического отношения к пустой жизни богатого барича и к дворянскому образу воспитания. Так понял повесть еще М. Погодин, считавший, что Карамзин хотел «указать на нашу небрежность в воспитании».¹ Эта точка зрения повторялась и рядом других исследователей Карамзина.

В советском литературоведении «Моей исповеди» до последнего времени не уделялось сколько-нибудь серьезного внимания. Лишь вышедшие недавно работы Ю. М. Лотмана² и Е. Н. Купреяновой³ признают значительность этой повести, ее важность для понимания «общей эволюции Карамзина». Однако оценивают это произведение противоположным образом.

Ю. М. Лотман, придавая большое значение «Моей исповеди» и считая ее необходимым звеном в творчестве Карамзина, видит в ней четко проявившееся у писателя новое представление о природе человека, как врожденно-эгоистической, злой, неразумной. Это отношение к человеку, свойственное Карамзину, с точки зрения Ю. М. Лотмана, еще с 1789—1794 гг., сейчас приобрело особенно явный и весьма принципиальный для писателя характер: «Моя исповедь», по мнению Ю. М. Лотмана, резко направлена против Руссо, его концепции человека. «Повесть Карамзина на-

¹ М. П. Погодин. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. I. М., 1866, стр. 347.

² Ю. М. Лотман. Пути развития русской прозы 1800—1810-х годов. — Ученые записки ТГУ, вып. 104. Труды по русской и славянской филологии, IV, 1961, стр. 3—57. См. также: Ю. Лотман. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803). — Ученые записки ТГУ, вып. 51. Труды историко-филологич. факульт., Тарту, 1957, стр. 122—162.

³ Е. Н. Купреянова. Русский роман первой четверти XIX века. От сентиментальной повести к роману. — В кн.: История русского романа, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 66—85.

правлена и против „Эмиля“, и против „Исповеди“ Руссо, и — шире — против идей врожденной доброты, а следовательно, внутренней значительности человеческой личности». ⁴ «Моя исповедь», по мнению Ю. М. Лотмана, представляет собою «своеобразный „Антиэмиль“». ⁵ Исследование Ю. М. Лотмана содержит немало глубоких, прекрасно аргументированных положений, касающихся мировоззрения Карамзина, его художественной системы.

Бессспорно прав автор, ставя вопрос об эволюции мировоззрения Карамзина и намечая четкие периоды этой эволюции. Есть у Ю. М. Лотмана много справедливых и тонких замечаний о «Моей исповеди». Конечно, в этом произведении проявилась новая позиция писателя в начале 1800 г., сказалось здесь и стремление пересмотреть в некотором отношении свои собственные убеждения, а заодно переоценить и многие другие ценности. В этом смысле не оставалось у Карамзина неизменным и отношение к Руссо, сыгравшему значительную роль в становлении и развитии эстетики Карамзина. Нужно полагать, что сейчас, в период поправления, автору «Марфы Посадницы» во многом особенно не импонировал демократизм Руссо, наиболее последовательно проявившийся в «Исповеди».

Однако основной тезис Ю. М. Лотмана о «Моей исповеди» как утверждении идеи врожденно-эгоистической природы человека представляется нам весьма спорным. Дает ли произведение Карамзина основания для столь категорического утверждения? Нам представляется, что нет. Можно ли по герою «Моей исповеди» — персонажу явно сатирически отрицательному — говорить обо всем человечестве? Ведь совершенно не случайно герой «Моей исповеди» резко отличается от всех персонажей других произведений Карамзина, написанных не только до, но и после «Моей исповеди». Это — почти единственная сатирическая повесть Карамзина, направленная против безответственного дворянского воспитания, в результате которого попираются элементарные нравственные нормы и затаптывается в грязь высокое назначение человека.

Нам кажется, что «Мою исповедь» нужно рассматривать в ряду многочисленных материалов «Вестника Европы» об образовании, о воспитании гражданского, патриотического долга, об обязанностях дворянина и т. д. «Моя исповедь» опубликована буквально рядом с такими работами Карамзина, как «О любви к отечеству и народной гордости», ⁶ «Благодеяние», ⁷ «О новых благородных училищах, заводимых в России», ⁸ «Странность» ⁹ и др. Здесь особенно рельефно выделяется вопрос о патриотиче-

⁴ Ю. М. Лотман. Пути развития русской прозы, стр. 31—32.

⁵ Там же, стр. 31.

⁶ «Вестник Европы», 1802, ч. I, № 4, стр. 56—69.

⁷ Там же, ч. II, № 1, стр. 52—55.

⁸ Там же, ч. II, № 8, стр. 358—366.

⁹ Там же, ч. I, № 2, стр. 52—57.

ском долге дворянства, об отношении дворян к народу. В условиях новой ситуации в России эти вопросы имели для Карамзина сугубо принципиальное значение. Вполне понятна в этой связи резкая критическая направленность «Моей исповеди» против дворянина, лишенного всех тех понятий и представлений, которые должны, по мнению Карамзина, отличать дворянство, против человека, который жил просто так.

Весьма спорным представляется и утверждение Ю. М. Лотмана, что острей повесть Карамзина направлено против «Эмиля» Руссо. Вряд ли есть у нас основание утверждать, что герой «Моей исповеди» «получает все, что, по системе Руссо, должно было обеспечить ему гармоническое развитие». ¹⁰ Что же получает герой Карамзина из того, что рекомендует Руссо в «Эмиле»? Можно говорить здесь только о внешних, поданных в пародийно-ироническом плане, деталях. А если серьезно соотнести воспитательную программу «Эмиля» с «системой воспитания» господина Менделя, то можно прийти к выводу, что герой повести не получает ничего из того, что предписывалось системой Руссо; наоборот, он воспитывается «от противного». Если Руссо в качестве важнейшего принципа своей системы выставляет труд, утверждая, что «тот, кто продает в праздности не заработанное им самим имущество, крадет его», то герой Карамзина может лишь глумиться над этим. «Я родился сыном богатого, знатного господина ... делал всякие проказы и не был сечен ... в пятнадцать лет не имел идеи о должностях человека и гражданина ... На шестнадцатом году дали мне изрядный чин и отправили меня в чужие края, не сказав, для чего». ¹¹ Он действительно посещает Лейпцигский университет (деталь, которой Ю. М. Лотман придает большое значение), но ведь он не учится в университете. («Часы лекций казались мне минутой... и не мог их наслушаться, оттого, что никогда не слушал», VII, 174). Не случайно, приехав в Лейпциг, герой пустился в бездумную легкомысленную жизнь, лишенную каких бы то ни было моральных принципов и устоев. Да и сам факт поездки за границу для воспитания — факт «чисто русский», ничего не имеющий общего с системой Руссо. В «Эмиле» об этом убедительно сказано: «Остерегайтесь тех космополитов, которые отправляются в своих книгах далеко на поиски обязанностей, каких не желают исполнять в своей среде». ¹²

Герой «Моей исповеди» N «и в пятнадцать лет не имел идеи о должностях человека и гражданина» (VII, 173), того главного, что по системе Руссо является целью воспитания. «Есть только

¹⁰ Ю. М. Лотман. Пути развития русской прозы, стр. 33.

¹¹ Н. М. Карамзин. Сочинения, т. VII, Изд. А. Смирдина, СПб., 1834, стр. 172—173. Все ссылки на сочинения Карамзина даются по этому изданию с указанием тома и страницы в самом тексте.

¹² Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или О воспитании. СПб., 1913, стр. 14.

одна наука, — пишет Руссо в «Эмиле», — которую нужно преподавать детям. Это наука об обязанности человека». «Жить — вот ремесло, которому я хочу его (Эмиля, — Ф. К.) обучить ... он не будет ни судьей, ни солдатом, ни священником, он будет прежде всего человеком».¹³

В «Эмиле» очень много рассуждений о том, каким должен быть преподаватель-воспитатель. «Воспитатель! О какая возвышенная душа!.. поистине, чтобы сделать человека, надо быть самому отцом или более, чем человеком».¹⁴

Первое условие, которому должен удовлетворить воспитатель по Руссо, — «это не быть продажным человеком». «Есть ремесла, настолько благородные, что нельзя выполнять их за деньги ... таково ремесло наставника».¹⁵ Воспитатель N следует прямо противоположному принципу. «Господин Мендель знал, к чему по большей части готовится знатный молодой человек, а всего более знал свои выгоды... Я обнял его и обещал ему такую пенсию, какая не всегда дается и министру за долголетнюю службу» (VII, 173).

Очень остро ставятся в «Эмиле» моральные проблемы. Руссо предлагает целый моральный кодекс для своего воспитанника. В герое «Моей исповеди» полное отсутствие моральных принципов. Наконец, в высшей степени целомудренному роману Эмиля противопоставлена отвратительная шутовская история влюбленностей (и не менее гадкая теория на этот счет).

Таким образом, даже беглое сопоставление этих очень разных произведений показывает, что нет никаких оснований видеть в «Моей исповеди» выпады против воспитательной системы Руссо.

Вряд ли можно согласиться вообще с мыслью о том, что повесть Карамзина направлена против идеи врожденной доброты и внутренней значительности человеческой личности. Напротив, ставя очень остро в «Вестнике Европы» и, в частности, в «Моей исповеди» проблемы воспитания, Карамзин оставался на почве просветительской веры в человека.

В «Моей исповеди» Карамзин поставил и некоторые специально-литературные проблемы. Так, самое начало повести явно направлено против крайнего субъективизма в творчестве. «Ныне люди путешествуют не для того, чтобы узнать и верно описать другие земли, но чтобы иметь случай поговорить о себе, ныне всякой сочинитель романа спешит как можно скорее сообщить свой образ мыслей о важных и неважных предметах. Сверх того, сколько выходит книг под титулом: *Мои опыты, Тайный журнал моего сердца!*» (VII, 171—172). Карамзину и раньше, например в «Московском журнале», было свойственно осуждение крайно-

¹³ Там же, стр. 16.

¹⁴ Там же, стр. 25.

¹⁵ Там же.

стей сентиментализма. Так, он явно иронизирует над слащавой ультрасентиментальной литературой, которой увлекался герой «Бедной Лизы» Эраст. Подобная ирония имеет место и в «Юлии», где сделана попытка нарисовать объективную картину жизни светской женщины и где сентиментальность как таковая берется под сомнение.

«Моя исповедь» — следующий шаг в стремлении писателя высвободиться из пут крайнего субъективизма.

Необходимо отметить вместе с тем, что «Моя исповедь» — это ирония писателя и по отношению к некоторым чертам своего собственного творчества (особенно периода «Аглаи»). Теперь Карамзин берет под сомнение такое восприятие мира художником, когда вся окружающая действительность представляется лишь «китайскими тенями» его собственного воображения. Высмеивает Карамзин и чрезмерную растянутость современных ему романов и повестей («они умеют расплодить самое ничто») и отсутствие необходимой психологической мотивировки характера. Смешным и нелепым представляется его герой, который более сорока лет жизни на свете никогда еще не давал себе отчета ни в желаниях, ни в делах своих и «девизом» которого «было великое слово так». Заслуживает серьезного внимания точка зрения Е. Н. Купреяновой о том, что «Моя исповедь» представляет собою пародию на современный Карамзину нравственно-сатирический роман.¹⁶

Вместе с тем в повести Карамзина решительно осуждаются произведения, в которых отсутствует идеальное начало. Осуждая дидактическое нравоучительство, писатель вместе с тем требует от произведения искусства высокого нравственного смысла. И хотя сам герой повести единично заявляет, что признания его не имеют никакой нравственной цели, всей повестью, всей логикой развития характера это опровергается. Достаточно вспомнить конец «Моей исповеди»: «Правда, что некоторые люди смотрят на меня с презрением и говорят, что я остыл род свой, что знатная фамилия есть обязанность быть полезным человеком в государстве и добродетельным гражданином в отечестве. Но поверю ли им, видя с другой стороны, как многие из наших любезных соотечественников стараются подражать мне, живут без цели, женятся без любви, разводятся для забавы и разоряются для ужинов!» (VII, 187). Здесь квинтэссенция нравственной направленности повести Карамзина.

А за всем этим — вера в способности человека быть достойным своего высокого призвания. Карамзин по-прежнему настойчиво подчеркивает огромное значение нравственного, идеального начала в искусстве, которое сейчас писатель видит не в дидактическом нравоучительстве, а в верности изображения характеров, в глубоком раскрытии «внутреннего человека».

¹⁶ Е. Н. Купреянова. Русский роман первой четверти XIX в., стр. 72.